

УДК 321:94(470 + 571)
DOI 10.17223/19988613/40/10

В.И. Постол

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ РУССКОЙ ВЛАСТИ: РЕЛИГИОЗНЫЕ ИДЕАЛЫ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ

Прослеживается дискуссия о социальной природе российской власти. В условиях формирования новой государственности России особое значение приобретает выявление факторов ее устойчивости. Исследован евразийский контекст идейно-политической борьбы в Московской Руси. Проведен анализ идеологического дискурса самодержавной власти, выявлен базовый миф православного государства, показан симбиоз православных и исламских универсальных идей. Автор разделяет мнение о восточном пути России к цивилизации.

Ключевые слова: евразийский контекст; византийские корни; идейный симбиоз.

В современных условиях, когда идет формирование новой национальной идентичности России, особое значение приобретает выявление факторов ее устойчивости и прежде всего такой ключевой скрепы, как самодержавная власть. Несмотря на периодические крушения государственности, после великих смут в России неизменно возрождался авторитаризм. Западные исследователи ортодоксом российской истории считают формулу *хаос/порядок* (Р. Пайпс). «Хаос» – это периоды смуты и радикальных реформ, «порядок» – периоды устойчивого существования государства. Очевидно, что если цикл «жуткий хаос – жестокий порядок» периодически повторяется, то это уже не исключительное, а закономерное явление, имеющее четкие воспроизводящиеся черты. Пытаясь объяснить феномен воспроизводства самодержавной власти, российские исследователи обратились к изучению ее истоков. Семантическое пространство заполнили разнообразные метафоры власти: «Российская колея» (А.А. Аузан), «Русский ген» (В.Б. Пастухов), «Тень Грозного царя» (А.Л. Янов) и др. По оценке В.А. Дубовцева и Н.С. Розова, имеется «множество вдохновенных текстов разных жанров и идейной направленности, но четких образов и идей предлагается существенно меньше. Что же до строгих концепций и эмпирически подкрепленных объяснительных теорий, то их и вовсе нет» [1].

Известно, что присутствие метафоры в сформулированном знании считается недостатком, однако они эвристически полезны при производстве знания, поскольку являются неотъемлемыми элементами каждого агрегатного состояния, в котором пребывает та или иная научная теория [2. С. 219]. Эвристически полезной при производстве знания оказалась концептуальная метафора «русская власть» (в интерпретации В.П. Макаренко, Ю.С. Пивоварова и А.И. Фурсова). В. Макаренко видит в России типичную для Востока цивилизацию. В основе его понимания русской власти лежит идея *власти-собственности*. Ю. Пивоваров и А. Фурсов рассматривают Россию как особую цивилизацию, не имеющую аналогов ни на Востоке, ни на Западе. В основе их трактовки русской власти лежит идея *власти-насилия*. «Идеал типически самодержавие – это

власть-насилие, власть как насилие, безо всяких там ограничений, “сдержек и противовесов”» [3]. Авторы определили и форму реализации самодержавной власти: опричнина «стала эмбрионом русской власти, средством превращения ордынско-московской власти в русскую» [4].

Нам уже приходилось включаться в дискуссию о социальной природе самодержавной власти. Мы разделяем мнение о восточном пути России к цивилизации. Преобладание государственной собственности – «квинтэссенция всех неевропейских (незападных по происхождению) обществ в истории» (Л.С. Васильев), и Россия здесь не исключение. Однако тезис о насилии как повивальной бабки русской власти вызвал у нас некоторые возражения [5. С. 22–23]. Конечно, опричнина сыграла важную роль в борьбе с боярской оппозицией, однако не следует преувеличивать роль насилия в деле преобразования страны. Понять особенности «русской власти» невозможно без рассмотрения великих вопросов о Праве, Правде и Справедливости. Аналитической конструкцией послужит нам модель дискурса-анализа Норманна Фэркло. Основные понятия данной модели – текст, дискурсивная практика и социальная практика. Благодаря интертекстуальности, задаваемой данной моделью, социальные последствия становятся более очевидными: «Когда два или более дискурсов в одной и той же области представляют различный взгляд на мир, исследователь может задать вопрос: каковы последствия того, что один взгляд будет принят вместо другого» [6. С. 237]. Далее мы обратимся к анализу той социальной практики, которой принадлежал идеологический дискурс царской власти.

Евразийский контекст. Контекст – это «собирательный термин для всех тех событий, которые говорят организму, из какого набора альтернатив он должен выбрать» (Г. Бейтсон). После освобождения Руси от ордынской зависимости на повестку дня был поставлен вопрос реформирования страны. Следование культурным образцам – один из главных законов истории. За образец обычно берется наиболее могущественная «мировая» держава своего времени. После падения Константинополя новой «мировой» державой стала

османская империя. Нельзя не сказать, что в Московской Руси на тему подражания османским султанам в управлении государством был наложен запрет. Османская империя была ее великим врагом, поэтому «признать какие-то связи с османами было равносильно признанию в преступлении» [7]. Тем не менее в конце XV в. в России началось частичное заимствование османских порядков. Московские князья воспринимали прогрессивные идеи и были готовы им следовать.

Исламская государственная идея провозглашала господство государственной собственности. Завоеванные земли считались принадлежащими государству, поэтому прежние собственники этих земель теряли все права. Знать и многие горожане выселялись с завоеванных земель в коренные османские области. Поместная система стала основой и российского государства. Историки отмечают, что «поместная система появилась на Руси внезапно, в конце XV в., и сразу же получила широкое распространение» (С.Б. Веселовский). Идею введения поместной системы Ивану III мог подсказать дьяк Федор Курицын, которого считают одним из руководителей московского правительства того времени. В 1482–1484 гг. Ф. Курицын возглавлял посольство в Молдавию и Венгрию. Из этой поездки он привез «Повесть о Дракуле» – переработанное и переведенное им на русский язык сказание о волошском господре Владе Цепеше. Напомним читателю, что в тот период Молдавия (последнее православное княжество на Юге Европы) вела отчаянную борьбу с Османской империей. Сражаясь с турками, господарь Стефан III заимствовал их тимарную систему. «Повесть» говорит о порядках, установленных Владом Цепешем. Знаменитый правитель был известен тем, что отнимал вотчины у своих бояр и раздавал их в поместья служилым людям. В 1485 г. дьяк Курицын вернулся в Москву, а зимой 1487–1488 гг. произошла небывалая для тех времен акция – вывод «житых людей» из Новгорода и наделение воинов поместьями. Иван III отправил в Москву семь тысяч зажиточных новгородцев. Эта акция точно соответствовала турецким обычаям: из завоеванного города выселяется вся знать, ее земли конфискуются и раздаются в тимары. Детальные совпадения в организации русской поместной и турецкой тимарной систем не оставляют сомнения в том, что поместная система была перенята у Османской империи.

«Повесть о Дракуле» позволяла понять и другой принцип управления восточным государством: впервые в русской литературе появляется традиционный образ восточного монарха, поддерживающего справедливость посредством жестоких расправ. Османская империя была наследницей древних цивилизаций Востока. В трудах мусульманских государственных деятелей (в том числе в знаменитой «Книге правления» Низам ал-Мулька) основным принципом государственного управления выступает идея справедливости. Великий визирь Рашид ад-дин приводит в пример Хосрова Ануширвана: «Я благоустрою мир правдой, справедли-

востью и спокойствием, ибо призван для этой задачи». Но справедливость не должна быть кроткой. Опыт тысячелетий привел восточных мудрецов к выводу, что за нее надо бороться: «нужно стереть с лица земли зачинщиков разрухи», «погубить беззаконных и злых». Ануширван – традиционный образ грозного восточного монарха, охраняющего справедливость с помощью суровых расправ [Там же].

Афанасий Никитин, одним из первых открывший Восток для Руси, писал на тюркском языке, что на Руси нет справедливости: «Бояре Русской земли несправедливы. Да станет Русская земля благоустроенной, и да будет в ней справедливость!» [Там же]. С принятием Судебника 1497 г. идея защиты справедливости нашла прописку и на русской земле. Судебник был обнародован во время коронации наследника престола Дмитрия Ивановича. На коронации было провозглашено введение законов, направленных на охранение справедливости. Митрополит и великий князь внушали наследнику: «Люби правду и милость и суд правой и имей попечение от всего сердца о всем православном христианстве». Иван III хорошо усвоил принцип восточной монархии: защита справедливости требует суровых наказаний. «Русская правда» Киевской Руси не знала таких жестоких казней и телесных наказаний, которые вводил Судебник 1497 г. Эта практика была заимствована с Востока [Там же].

После смерти Василия III реформы на время остановились – начался период боярского правления. Преобразование страны «по османскому образцу» возобновилось в 50-х гг. XVI в. – это были уже знаменитые реформы Ивана Грозного. В своих нововведениях внук Ивана III следовал проекту Ивана Пересветова. 8 сентября 1549 г. в церкви Рождества Богородицы Пересветов вручил Ивану IV челобитную, содержащую «Сказание о Магмете-салтане», который «великую правду в царстве своем ввел» (А.А. Зимин). Автор челобитной хорошо знал османские порядки и предлагал брать с них пример. Среди наиболее его настоятельных советов – утверждение самодержавия, установление «великой правды», возвышение воинов по заслугам и создание приближенного к царю стрелецкого корпуса, подобного корпусу янычар. Судя по тому, что сочинение Пересветова было внесено в Никоновскую летопись и в Хронограф второй редакции, оно пришлось Ивану IV по душе. Но по-прежнему негоже было подражать *безбожным туркам* – за это могли и казнить. Во второй челобитной те же самые мысли высказывались уже не от имени автора, а от имени молдавского «воеводы» Петра. Вновь перед нами предстает светлый образ правителя («служителя бедняков»), который отнимает богатства у знати, наделяет землей крестьян и снижает им налоги.

В Московской Руси после взятия Казани произошло то же, что и после овладения Новгородом: местная знать была выселена из завоеванных земель в центральные районы государства, и ее земли были розда-

ны в поместья русским воинам. Создание сильной армии являлось решающим условием существования государства, поэтому главной составляющей преобразований были военные реформы. Помимо стрелецкого войска, Иван Грозный хотел создать и конную гвардию. Он выбрал тысячу лучших воинов, однако из-за нехватки земель не удалось дать им поместья под Москвой. Этот проект был реализован позже – знаменитой «опричной» тысячей. Опричная политика Ивана Грозного является типичным проявлением восточного деспотизма. Говоря об инициаторах опричнины, источники указывают на черкесскую родню царя. Московские летописи переводят слово «опричина» как «особый двор». Черкесы хорошо знали, что такое двор османских султанов – это было государство в государстве, со своей казной и гвардией. В Османской империи государство делилось на две части: «хассе» и «дивани». «Хассе» – это земли, выделенные в обеспечение двора. Аналогично была разделена и Московская Русь – на «опричину» и «земщину». На Руси «дворцовые земли», находящиеся под особым управлением, появились уже при Иване III, поэтому Иван Грозный не был создателем опричнины, он лишь придал *опричнине-хассе* завершённые формы. Реализация принципа «нет земли без службы» (вместе с поместной системой) позволила России создать мощную русскую армию и стать великой державой.

Одновременно с военными осуществлялись и гражданские реформы. По свидетельству современников, Иван IV искренне стремился к утверждению на Руси правосудия и справедливости. В июне 1550 г. появился новый Судебник. Основной целью нового свода законов было установление провозглашённой царем «великой правды». Крестьяне больше всего страдали от произвола богатых и сильных, поэтому губным старостам особо предписывалось, чтобы у них «насильства от сильных» (здесь и далее орфография сохранена) людей не было. Псковская летопись отмечает, что в результате проведенных реформ была «крестьянам радость и льгота велика». Что касается чиновников, то среди них «не было ни одного, которого ни разу бы не высекли» [7]. Итак, великие князья восприняли не только идею справедливости, но восточные методы ее защиты. Подобно восточным монархам, они стремились предстать в образе защитника справедливости, однако они не были самодержцами. В этом статусе им еще предстояло утвердиться.

Православные корни. Волею судеб история России тесно переплелась с историей Византии. С принятием восточного толка христианства началось заимствование византийских государственно-правовых порядков. Православная Византия была для Древней Руси образцом для подражания. По некоторым оценкам, «все византийские институты пользовались на Руси колоссальным авторитетом. Значительная, и даже большая, часть византийских текстов, в том числе связанных с государственным устройством, сферой зако-

нодательства, была переведена на древнерусский язык и стала доступна русским книжникам. Это был образец, которому Русь, Россия подражала» (А.М. Лидов) [8].

Наиболее последовательно культурное копирование осуществлялось русской православной церковью. Служители церкви прочно усвоили идею солидарности светской и духовной власти как основы институциональной структуры православного государства. Напомним читателю, что принцип солидарности властей был утвержден решениями Пятого Вселенского собора в середине VI в. В «Своде гражданского права» Юстиниана он получил название «симфонии двух властей». VI Новелла гласила: «Величайшие дары Бога – священство и царство. Первое служит делам божеским, второе заботится о делах человеческих. Оба происходят от одного источника (Бога)» [9]. Православная церковь являлась центральной структурой русских княжеств. Ее монополией была интронизация русских князей. Божественный мандат на правление передавался в ходе специального обряда – *венчания и возведения на престол*. В дальнейшем данный принцип лёг в основу одного из главных юридических сборников Московской Руси – «Кормчей книги».

Христианизация древнерусского права привела к тому, что оно перестало быть *воплощенным в обычаях природным началом*, а превратилось в *волю и дело теократии*. Однако заимствование элементов византийской культуры осуществлялось стихийным образом, как правило, путем следования рутине обрядов. В силу неадекватной передачи информации терминология византийского христианства (изложенная Кириллом и Мефодием на славянско-болгарском языке) нередко обретала русское «лицо». Широкое распространение получил прием транспозиции – «перенесение лексической единицы из бытового языка на терминологический уровень» (М.В. Черников). В силу этого мировоззренческие понятия *дикайосюнэ* и *алетейя*, глубоко разработанные в античной традиции, были заменены понятиями *правда* и *истина*. Алетейя-истина – «то, что несмываемо водами Леты» (действительность, подлинность). В христианской мировоззренческой парадигме *истина*, по сути, есть одно из наименований Бога.

Понятие *дикайосюнэ* в античной культуре имело иную семантическую определенность – *судопроизводство, законность, правосудие, праведность, справедливость, благодеяние*. Лат. *dico* и гр. *dice* – это прежде всего юридическая формула, которая со временем стала обозначением и самого права [10]. В целом слова «правда» и «истина» имплицировали ту смысловую нагрузку, которую несли в себе их греческие аналоги. Однако пересечение смысловых сфер *правды* и *истины* в русской традиции истолковывалось в пользу правды: «дискурс Бога всегда есть Правда <...>. Правда... выступает представителем Истины и в этом своем качестве является истинной *правдой*» [11. С. 169]. По некоторым оценкам, «правда – это чисто русское понятие,

включающее в себя элемент более высокого, чем объективная истина, порядка. Правда – истина, возведенная в разряд идеи и этимологически связанная с правом и правосудием. Русский, который стоит за правду, стоит за такую истину, которой следует еще добиться... » [11. С. 165]. Еще одним примером вольной интерпретации христианской традиции стало *помазание на царство*. Трактующее в Византии в русле *ветхозаветной традиции* (как проявление богоизбранности монархов), в Московской Руси оно было истолковано в *новозаветном смысле*: «как таинство миропомазания, уподобляющее русского царя Христу». В результате функции главы государства воспринимались «как проявления особой харизмы – личного внеобыденного дара суверена», а право – «как то, что устанавливает власть» [12]. Тем самым было заложено основание для главенства монарха.

Известно, что идея самодержавной власти была заимствована русскими книжниками у византийских императоров. Однако при даннических отношениях с ханами почва для восприятия этой идеи была крайне неблагоприятна. Монгольское нашествие воспринималось русскими людьми как *наказание Божие*. Власть ханов представлялась вполне законной, и о сопротивлении ордынцам не могло быть и речи. Куликовская битва изменила отношение к завоевателям. Книжники стали говорить о них как о «безбожных разорителях христианства». На авансцену русской истории выходит новый герой – борец за христианскую веру против *нечестивых* [13. С. 67]. После освобождения от ордынской зависимости и падения Константинополя самодержавная идея вновь актуализируется в общественном сознании.

Следует сказать, что в эпоху *диктата эсхатологического сознания* самодержавная власть воспринималась как последняя истинная, данная от Бога и связывающая человека с Богом. В преддверии наступления царства Антихриста на нее «возлагалась задача не только спасти душу человека, но и задержать движение к страшному будущему» [9]. И вот уже в новой пасхалии 1492 г. первым самодержцем Московской Руси называется Иван III. Впоследствии, после венчания на царство, официальное звание «царя всея Руси» получает Иван IV. Московские правители внесли существенный вклад в формирование идеологии новой власти. Иван III был против любых ограничений своей власти во внутренней сфере. Он категорически возражал против того, чтобы ему *чинили урок*. Новгородцам, в частности, свое видение власти он объяснил так: «Вечево-

му колоколу не быть, посаднику не быть, а государство все ему держать». Иван IV толковал самодержавие как самовластие: «государь не может называться самодержцем, если не сам строит» [14. С. 498]. Свое завершение самодержавный идеал нашел в теории теократического абсолютизма Иосифа Волоцкого. В теорию Волоцкого вошли известные христианские темы о богоустановленности власти и об обязанности повиновения ей. Под властью подразумевался исключительно Государь. Иосиф учил, что московских государей Бог избрал вместо себя на земле самодержцами: властью царь подобен Богу, и высота этой власти не имеет границ. Новая теория власти обрела многочисленных последователей и стала официальной доктриной. Самодержавие стало той *ценностью-точкой*, в которую сместилась *вечная истина* российской монархии. В любой своей форме царский и императорский титул российских монархов неизменно определял божественную природу царской власти и ее самодержавный характер.

Доктрина самодержавной власти возникла на русской почве в процессе симбиоза православных и исламских идейных элементов. Заимствуя внешнюю форму культурных образцов, Русское государство формировало собственную конструкцию власти. Великие князья стремились предстать в образе грозного восточного монарха, охраняющего справедливость с помощью суровых расправ. Приняв статус «Третьего Рима», Московская Русь продолжала усваивать те фрагменты культурных ценностей, которые необходимы для вновь создаваемых социальных порядков. В результате московского прочтения христианской парадигмы в России не осталось места дуализму Церкви и Государства: «Истина (то, что соответствует божественному порядку) сообщается представителем Бога на земле, и в первую очередь монархом. Право есть правда от царя» [12]. Базовый миф о богоизбранности русской власти, на котором до конца XVII в. держалось русское мировоззрение, стал «кодирующей программой архаического типа для российской политической культуры... » [15. С. 26]. Переходя из глубин памяти в текст, он уходил в будущее, повторяясь в новых культурных контекстах, – оживал в них «как зерно, попавшее в новую почву» [16]. Таким образом, изначально русская власть зиждется на идее правды (справедливости). С прекращением защиты справедливости власть неизбежно утрачивала и легитимность, но неизбывная вера народа в «Правду от царя» всякий раз становилась залогом ее воспроизводства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дубовцев В.А., Розов Н.С. Природа «Русской власти»: от метафор к концепции. URL: <http://www.nsu.ru/filf/rozov/publ/ruspower.htm>, свободный (дата обращения: 16.09.2014).
2. Даннеберг Л. Смысл и бессмысленность истории метафор // История понятий, история дискурса, история менталитета / пер. с нем. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 189–297.
3. Пивоваров Ю.С. Русская власть и публичная политика. Заметки историка о причинах неудачи демократического транзита. URL: <http://www.politstudies.ru/fulltext/2006/1/2.htm>, свободный, (дата обращения: 17.09.2014).
4. Фурсов А. Русская власть, история Евразии и мировая система: *mobilis in mobile* (социальная философия русской власти). URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1212912480>, свободный (дата обращения: 23.09.2014).

5. Постол В.И. «Русская власть»: materia prima // Тоталитаризм и тоталитарное сознание. Томск : Изд-во «Кит», 2015. С. 22–25.
6. Марианне В. Йоргенсен, Луиза Дж. Филлипе. Дискурс-анализ. Теория и метод / пер. с англ. 2-е изд., испр. X. : Гуманитарный центр, 2008. 352 с.
7. Неведов С.А. Реформы Ивана III и Ивана IV: османское влияние. URL: http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Nefedov_00.pdf, свободный (дата обращения: 28.06.2015).
8. Всплывающая Византия. URL: <http://worldcrisis.ru/crisis/1817898>, свободный (дата обращения: 9.07.2015).
9. Асонов Н. Философско-религиозные основы российских доктрин самодержавной власти. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/filosofsko-religioznye-osnovy-rossiyskikh-doktrin-samoderzhavnoy-vlasti>, свободный (дата обращения: 14.09.2014).
10. Черников М.В. Концепты «правда» и «истина» в русской культуре: проблема корреляции // Полис. 1999. № 5. С. 43–61.
11. Черников М.В. Концепты «правда» и «истина» в русской культурной традиции // Общественные науки и современность. 1999. № 2. С. 164–175.
12. Княгинин В. Рецепция зарубежного права как способ модернизации российской правовой системы. URL: <http://www.archipelag.ru/geoeconomics/kapital/system/modernization>, свободный (дата обращения: 14.09.2014).
13. Звонарев Ю. Рецензия на книгу: Рудаков В.Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII–XV вв. М. : Квадрига, 2009 // Эксперт. 2010. № 3 (689). С. 67.
14. Энциклопедия российской монархии. М. : Изд-во Эксмо, 2003. 512 с.
15. Щербинина Н.Г. Символическое конструирование мифо-героической политической реальности России // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2008. № 2 (3). С. 18–37.
16. Лотман Ю.М. Символ в системе культуры. URL: <http://www.philology.ru/literature1/lotman-92e.htm>, свободный (дата обращения: 11.07.2015).

Postol Vladimir I. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: vipostol@mail.ru

ON THE QUESTION OF THE RUSSIAN POWER DISTINCTIONS: RELIGIOUS IDEAL PRINCIPLES AND POLITICAL PRACTICES.

Keywords: Eurasian context; Byzantine background; ideological symbiosis.

The article continues the discussion about the social nature of the Russian power. Under the conditions of formation of the new statehood of Russia, the revelation of factors of its stability is getting special importance. Conceptual metaphor “Russian power” appeared to be heuristically useful (in the interpretation of V.P. Makarenko, Y.S. Pivovarov and A.I. Fursov). Victor Makarenko sees in Russia the civilization typical for the East. In the basis of his understanding of the Russian power lies the idea of the “power-property”. Yuri Pivovarov and Andrei Fursov consider Russia as a special civilization, which has no analogues neither in the East, nor in the West. In the basis of their interpretation of the Russian power lies the idea of the “power-coercion”. The author shares the opinion about the Eastern path of Russia to civilization. Predominance of the state property is the quintessence of all the non-European societies, and Russia is not an exception in this regard. But the thesis that coercion as the way to transform the Horde-Muscovy power into the Russian one caused some objections. Oprichnina had played the important role in the struggle with the boyar opposition. However, the role of coercion in the matter of the country reformation should not be exaggerated. In order to understand the peculiar properties of the Russian power, it is necessary to come back to the consideration of great questions about Law, Truth and Justice. In this work there was given the substantiation of partial borrowing of the Ottoman and Byzantine state-legal order. Grand dukes tried to appear in the image of the redoubtable Eastern monarch, keeping justice by means of harsh treatment. The borrowing of the Orthodox cultural values started with acceptance of the Eastern trend of Christianity. Churchmen have firmly assimilated the idea of solidarity of secular and ecclesiastical powers as the foundation of the institutional structure of the Orthodox State. However, as a result of the Moscow interpretation of the Christian paradigm in Russia there was no place left for the dualism of Church and State. So, there was made the foundation for the supremacy of monarch. The main thesis of this article comes down to that the doctrine of the tsarist autocracy appeared on the Russian ground in the process of symbiosis of the Orthodox Christian and Muslim ideological elements. Borrowing the outside form of cultural patterns, the Russian State assimilated those fragments of cultural values that were necessary for the newly creating social order. In the basis of the Russian construction of power was put the myth “justice is the truth from the tsar”. This is the key-point of the ontological status of power: initially “Russian power” was founded on the idea of truth, with the cessation of justice vindication the power was losing its legitimacy, but the enduring faith of people into “the truth from the tsar” each time had become the guarantee of its reproduction.

REFERENCES

1. Dubovtsev, V.A. & Rozov, N.S. (2007) *Priroda “Russkoy vlasti”: ot metafor k kontseptsii* [The nature of “Russian Power”: from metaphors to the concept]. [Online] Available from: <http://www.nsu.ru/filf/rozov/publ/ruspower.htm>. (Accessed: 16th September 2014).
2. Danneberg, L. (2010) *Smysl i bessmyslennost' istorii metafor* [The meaning and meaninglessness of the history of metaphors]. In: Baedeker, H.E. (ed.) *Istoriya ponyatiy, istoriya diskursa, istoriya mentaliteta* [The history of concepts, discourse, and mentality]. Translated from German. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 189–297.
3. Pivovarov, Yu.S. (2006) *Russkaya vlast' i publichnaya politika. Zametki istorika o prichinakh neudachi demokraticeskogo tranzita* [Russian government and public policy. Notes of a historian on the causes of the democratic transition failure]. [Online] Available from: <http://www.politstudies.ru/fulltext/2006/1/2.htm>. (Accessed: 17th September 2014).
4. Fursov, A. (2008) *Russkaya vlast', istoriya Evrazii i mirovaya sistema: mobilis in mobile (sotsial'naya filosofiya russkoy vlasti)* [Russian power, the history of Eurasia and the world system: Mobilis in mobile (Social Philosophy Russian authorities)]. [Online] Available from: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1212912480>. (Accessed: 23rd September 2014).
5. Postol, V.I. (2015) “Russkaya vlast'”: materia prima [The “Russian power”: Materia prima]. In: Shutov, V.S. (ed.) *Totalitarizm i totalitarnoe soznanie* [Totalitarianism and totalitarian mentality]. Tomsk: Kit. pp. 22–25.
6. Yorgensen, M.V. & Phillips, L.J. (2008) *Diskurs-analiz. Teoriya i metod* [Discourse analysis. The theory and method]. Translated from English by A.A. Kiseleva. 2nd ed. Kharkiv: Gumanitarnyy tsentr.
7. Nefedov, S.A. (n.d.) *Reformy Ivana III i Ivana IV: osmanskoe vliyanie* [Reforms of Ivan III and Ivan IV: The Ottoman influence]. [Online] Available from: http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Nefedov_00.pdf. (Accessed: 28th June 2015).

8. Lidov, A.M. (2014) *Vsplyvayushchaya Vizantiya. Intervyu s A.M. Lidovym* [The emerging Byzantium. An interview with A.M. Lidov]. [Online] Available from: <http://worldcrisis.ru/crisis/1817898>. (Accessed: 9th July 2015).
9. Asonov, N.V. (2008) The Philosophical and Religious Basics of the Russian Doctrine of the Sovereign Power. *Vlast'*. 12. [Online] Available from: <http://cyberleninka.ru/article/n/filosofsko-religioznye-osnovy-rossiyskih-doktrin-samoderzhavnoy-vlasti>. (Accessed: 14th September 2014).
10. Chernikov, M.V. (1999a) Kontsepty "pravda" i "istina" v russkoy kul'ture: problema korrelyatsii [The concepts of "pravda" and "istina" in Russian culture: the problem of correlation]. *Polis*. 5. pp. 43-61.
11. Chernikov, M.V. (1999b) Kontsepty "pravda" i "istina" v russkoy kul'turnoy traditsii [The concepts of "pravda" and "istina" in Russian cultural tradition]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2. pp. 164-175.
12. Knyaginina, V. (2002) *Retseptsiya zarubezhnogo prava kak sposob modernizatsii rossiyskoy pravovoy sistemy* [Reception of the foreign law as a way of Russian legal system modernization]. [Online] Available from: <http://www.archipelag.ru/geoeconomics/kapital/system/modernization> (Accessed: 14th September 2014).
13. Zvonarev, Yu. (2009) Retsenziya na knigu: Rudakov V.N. Mongolo-tatary glazami drevnerusskikh knizhnikov serediny XIII–XV vv. Moscow: Quadriga, 2009 [Book Review: Rudakov, V.N. (2009) Mongol-Tatars eyes of ancient scribes in the middle of the 13th – 15th centuries. Moscow: Quadriga]. *Ekspert*. 3(689). p. 67.
14. Butromeev, V. (ed.) (2003) *Entsiklopediya rossiyskoy monarkhii* [The Encyclopedia of the Russian monarchy]. Moscow: Eksmo.
15. Shcherbinina, N.G. (2008) The symbolic construction of mythoheroic reality of Russia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2(3). pp. 18-37. (In Russian).
16. Lotman, Yu.M. (1992) *Simvol v sisteme kul'tury* [The symbol in the cultural system]. [Online] Available from: <http://www.philology.ru/literature1/lotman-92e.htm>. (Accessed: 11th of July 2015).